

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023010054

EDN: GZOFKV

Начальный период японо-китайской войны 1937–1939 гг.

Д.Н. Ермаков

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Российская Федерация, 119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27.

Researcher ID: AAS-7807-2020 Scopus Author ID: 56610014800 РИНЦ ID: 319114

ORCID: 0000-0002-0811-0058 E-mail: ermakov@ifes-ras.ru

Г.Г. Попов

РАНХиГС при Президенте РФ.

Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82.

*ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления
имени К.Г. Разумовского*

(Первый казачий университет)».

Российская Федерация, 109004, Москва, Земляной Вал, д. 73.

РИНЦ ID: 413137

ORCID: 0000-0002-3060-5030 E-mail: GGPopov2009@mail.ru

О.Ю. Казенков

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова.

Российская Федерация, 150003, Ярославль, ул. Советская, д. 14.

Researcher ID: AAN-2229-2021 Scopus Author ID: 57205233631 РИНЦ ID: 855244

ORCID: 0000-0002-8893-4443 E-mail: o.kazenkov@gmail.com

Резюме: В статье приводятся политические оценки отношения немецких военных специалистов к процессам начального периода Японо-китайской войны. Авторы основываются на малоизвестных ранее документах из Центрального архива Министерства обороны России, часть данных документов вводятся в оборот впервые. В статье находит отражение борьба идеологий на территории Китая в ходе его военного столкновения с Японией. Авторы, основываясь на немецких документах, показывают жёсткий антикоммунистический характер японской политики на оккупированных китайских территориях, а также обращаются к проблеме японского шовинизма в конце 1930-х годов [Russian-Chinese relations in the XX century. Vol. IV, 2000]. Сложность отношений японских военных с представителями политической и экономической элит Китая на начальном этапе Японо-китайской войны обусловило поддержку со стороны китайской буржуазии режима Гоминьдана, что ослабило позиции китайских коллаборационистов. Показан провал стратегии японских оккупационных властей, направленной на раскол китайского общества. В статье отражена роль Александра фон Фалькенхаузуена на начальном этапе

Японо-китайской войны. Авторы освещают вопросы стратегических просчётов высшего японского командования и недостатков в стратегии Чан Кайши.

Ключевые слова: Японо-китайская война, Халхин-Гол, военная экономика Японии, японский милитаризм, Китай в конце 1930-х годов, японо-китайские политические отношения в 1930-х годах

Для цитирования: Ермаков Д.Н., Попов Г.Г., Казенков О.Ю. Начальный период японо-китайской войны 1937–1939 гг. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53(1).75-93. DOI: 10.31857/S2686673023010054 EDN: GZOFKV

The Initial Period of the Sino-Japanese War 1937–1939

D.N. Ermakov

Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences (IKSA RAS).

32, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117997, Russian Federation.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov.

27, Lomonosovsky prospect, Moscow, 119192, Russian Federation.

Researcher ID: AAS-7807-2020 Scopus Author ID: 56610014800 РИНЦ ID: 319114

ORCID: 0000-0002-0811-0058 E-mail: ermakov@ifes-ras.ru

G.G. Popov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA)

82, Vernadsky prospect, Moscow, 119571, Russian Federation.

Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University).

73, Zemlyanoy Val, Moscow, 109004, Russian Federation.

РИНЦ ID: 413137

ORCID: 0000-0002-3060-5030 E-mail: GGPopov2009@mail.ru

O.Yu. Kazenkov

Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences (IKSA RAS).

32, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117997, Russian Federation.

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov.

14, Soviet St., Yaroslavl, 150003, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-8893-4443 E-mail: o.kazenkov@gmail.com

Abstract: The article provides political assessments of the attitude of German military specialists to the processes of the initial period of the Sino-Japanese War. The authors are based on previously little-known documents from the Central Archive of the Ministry of Defense of Russia, some of these documents are put into circulation for the first time. The article reflects the struggle of ideologies on the territory of China during its military clash with Japan. The authors, based on German documents, show the harsh anti-communist nature of Japanese policy in the occupied Chinese territories, and also address the problem of Japanese chauvinism in the late 1930s. The complexity of relations between the Japanese military and representatives of the political and economic elites of China at the initial stage of the Sino-Japanese War led to the support of the Chinese bourgeoisie for the Kuomintang regime, which weakened the position of Chinese collaborators. The article shows the failure of the strategy of the Japanese occupation authorities aimed at splitting the Chinese society. The article reflects the role of Alex-

ander von Falkenhausen at the initial stage of the Sino-Japanese War. The authors highlight the issues of strategic miscalculations of the Japanese high command and shortcomings in the strategy of Chiang Kai-shek.

Keywords: The Second Sino-Japanese War, Khalkhin-Gol, Japan's military economy, Japanese militarism, China in the late 1930s, Sino-Japanese political relations in the 1930s

For citation: Ermakov D.N., Popov G.G., Kazenkov O.Yu. The Initial Period of the Sino-Japanese War 1937–1939. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (1): 75-93. DOI: 10.31857/S2686673023010054 EDN: GZOFKV

ВВЕДЕНИЕ

Статья основана на немецких трофейных документах из фонда № 500 Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и опубликованных документах Государственного департамента США. Эти документы ещё недостаточно изучены, в частности, не исследован подробно комплекс документов военных атташе, включая работавших в Японии. Данные материалы представляют сегодня особую ценность в ракурсе анализа позиций Китая и Японии во Второй мировой войне и в процессе возникновения этого глобального вооружённого конфликта, к тому же принимая во внимание, что многие японские документы военного и предвоенного периодов были уничтожены перед капитуляцией Японской империи.

Поскольку значительная часть документов по германской военной миссии в Китае оказалась на Западе, мы привлекаем для нашего исследования работу докторанта Огайского государственного университета Р.Л. Родригеса, где приводятся фрагменты соответствующих документальных материалов и ссылки на них [Rodriguez R.L., 2011], а также работу докторанта философского факультета Рейнского университета Фридриха-Вильгельма в Бонне Че Вей Чанга [Che-Wei Chang, 2021] про немецкого дипломата Оскара Траутманна, работавшего в начале Японо-китайской войны в качестве посла Германии в Китае. Несмотря на то, что О. Траутманн не был военным, в материалах о нём содержится немало интересных сведений о позиции высшего руководства вооружённых сил нацистской Германии по вопросу сотрудничества с Китаем.

Мы выбрали для нашего анализа период 1937–1939 гг., так как в это время немецкие, как и другие иностранные представители имели наибольший доступ к информации о боевых действиях в Китае, а также о ситуации в Японии – в более высокой степени, по сравнению с 1940–1945 гг. Мы уделяем внимание событиям на Халхин-Голе, несмотря на то, что непосредственная связь этого конфликта с Японо-китайской войной очень спорна, однако для российских историков Номонханский инцидент остаётся интересным, включая и рассмотрение его в контексте Японо-китайской войны, поскольку данный конфликт с СССР отвлёк немало сил Японии от войны с Китаем [Бобкова М.С., 2015].

В период холодной войны образ Японо-китайской войны воспринимался упрощённо: Китай – жертва агрессии Японской империи, который не столь успешно боролся с японскими милитаристами с июля 1937 г. (инцидент на мо-

сту Марко Поло, или на мосту Лугоу), и вплоть до освобождения войсками союзников до сентября 1945 г. не отмечалось ничего существенного. Поэтому китайский театр военных действий рассматривался советскими историками как вспомогательный [Цит. по: Bruce M. Russett, 1972].

В советской и в современной российской историографии указанные выше акценты в анализе Японо-китайской войны в принципе те же, что и на Западе, и практически не изменились, особенно это касается мотивации сторон. Только сравнительно недавно в российской историографии стала изучаться третья сторона Японо-китайской войны – протектораты Японии на территории современной Китайской Народной Республики [Гареев М.А., 2006]. Но прочие коллаборационисты в Восточной Азии по-прежнему мало интересуют российских исследователей, кроме вопроса сотрудничества белоэмигрантских кругов с японскими властями. Надо отметить, что интерес к Японо-китайской войне в российской историографии последнее время во многом обусловлен возобновлением развёрнутого анализа конфликта на Халхин-Голе, советско-японских отношений периода Второй мировой войны и нескольких лет, ей предшествовавших [См.: Катасонова Е.Л., 2018; Сеченов И.В., 2019; Болд Р., 2019; Базаров Б.В., Курас Л.В., Цыбенков Б.Д., 2017; Курас Л.В., Цыбенков Б.Д., 2016; Смирнов С.В., Буяков А.М., 2019; Зимонин В.П., 2014 и 2018; Бутанаев Э.В., 2017; Рябченко Н.П., 2015; Мильбах В.С., Назаренко И.С., 2019].

В современных китайских СМИ, историографии и массовом сознании война с Японией является борьбой с жестоким агрессором, стремившимся уничтожить Китай и его народ [Соох А., 1985]. Однако в Китае получила развитие и другая тенденция в кругах историков – развитие образа Японо-китайской войны как главного театра военных действий Второй мировой войны или, по крайней мере, равнозначного либо незначительно уступавшего по своему значению Советско-германскому фронту, и в то же время – центральный театр военных действий Второй мировой войны в Восточной Азии [См.: Григорьев О.В., 2018; Ли Тяньцзы, 2015; Zhaozhen An., 2018; Лян Юньсян, 2015; Го Сянган, 2012; Ху Цзиньтао, 2010].

Сложность изучения Японо-китайской войны заключается также в том, что в современном Китае исследование боевых операций генералов гоминьдановского режима остаётся не столь популярным направлением, как и анализ самой военной политики Чан Кайши. Это – последствия влияния на китайскую историческую науку ещё ЦК КПК периода правления Мао Цзэдуна [Herzog J.H., 1966]. Диссертационная активность китайских историков, занимающихся Второй мировой войной, сосредоточена преимущественно на узких темах, затрагивающих, в основном, социально-экономические и политические аспекты военного периода. Это видно на примере защищённых в Гонконгском университете диссертаций и указывает ещё на одну важную тенденцию, причём даже в «вестернизированных» китайских университетах – уход от общих вопросов военной истории Китая в Новейшем времени, несмотря на то, что ряд этих вопросов до сих пор остаются дискуссионными – например, реальный вклад Китая в победу над Японией.

Являлся ли Китай одним из главных акторов Второй мировой войны или же всё-таки он жертва масштабной японской агрессии, которую освободили страны

антигитлеровской коалиции? Ниже будет представлена попытка разобраться в этом вопросе с использованием оценок, отражённых в немецких документах.

Из цели статьи вытекают задачи выявить следующее: (а) как отражено в корпусе изучаемых документов отношение японского высшего командования к войне с Китаем и видение первых целей этой войны; (б) как отражены в изучаемых немецких документах политические отношения японских военных властей с китайскими политиками и населением; (в) как виделись германскому военному атташе по полученной им из Китая информации акции японских военных против мирного китайского населения, включая нанесение японской авиацией бомбовых ударов по массивам жилых домов в китайских городах; (г) какое отражение в исследуемых документах нашли социально-экономические аспекты оккупации китайских территорий японскими войсками.

Произведённый отбор документов из указанного выше корпуса материалов Центрального архива Минобороны России обусловлен как высокой информативностью для исследования участия Японии в войне с Китаем, так и высокой актуальностью событий на Халхин-Голе (Номонханский инцидент) для российских историков и читателей. Выявленные нами документы позволяют взглянуть на конфликт у Халхин-Гола в контексте развития общей военной ситуации в Восточной Азии, в первую очередь на китайском театре военных действий (ТВД). События, происходившие в Китае после декабря 1939 г., мы считаем иным процессом, так как японская военная машина определённо стала разворачиваться на юг, когда ещё осенью 1939 г. у военных кругов в Токио оставались намерения после относительно недолгой передышки усилить нажим на СССР. Однако поражение западных союзников во Франции в мае-июне 1940 г. предоставило для Токио дополнительные крупные перспективы на территории Юго-Восточной Азии.

ЯПОНИЯ И ВООРУЖЁННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ С КИТАЕМ ДО НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава немецкой военной миссии в Китае Александр фон Фалькенхаузен (германский военный эксперт по Востоку и бывший военный атташе в Японии) отмечал резкое падение дисциплины в японской армии в результате её политизации и распространение среди японцев явления, которое можно понимать как неадекватное, сверхагрессивное поведение – *“амок”*. При этом у японцев не хватало ресурсов для полной оккупации территорий в приморских провинциях Китая (рядом с Шанхаем и Нанкином), что позволяло китайцам проводить манёвренные операции на местности [1: д. 197, оп. 12451, л. 4–5].

Во время наступления японцев на Нанкин немцы ограничили помощь китайцам, генерал артиллерии Вальтер фон Рейнехау (немного позже он станет фельдмаршалом, в 1933–1938 гг. он занимал разные высокие военные должности, главная из них – командование 7-м военным округом, курировал сотрудничество вермахта с Китаем) не дал замену выбывших специалистов немецкой военной миссии. В отличие от других государств, Германия не стала отправлять в Китай современные самолёты. Но вина в затруднениях по поводу заключения новых контрактов на

поставку вооружений лежала и на китайской стороне, по мнению генерала А. фон Фалькенхаузена [1: д. 197, оп. 12451, л. 6–7]. Правда, из материалов о германском после в Китае Оскаре Траутманне следует, что высшее руководство НСДАП, включая И. фон Риббентропа, который ещё не был тогда министром иностранных дел, заняло жёсткую прояпонскую позицию с самого начала Японо-китайской войны [Che-Wei Chang, 2021: 311]. За продолжение помощи Китаю выступали старые дипломаты и военные, не разделявшие, полностью или частично, идеологию НСДАП. Они также считали необходимым, чтобы Германия выступила посредником в мирном урегулировании конфликта между Китаем и Японией. В частности, военный атташе в Японии Ойген Отт настаивал на активном германском дипломатическом посредничестве [Che-Wei Chang, 2021: 311], здесь он был един во мнении с О. Траутманном. Назначение 4 февраля 1938 г. И. фон Риббентропа министром иностранных дел нацистской Германии означало окончательное сворачивание попыток посредничества со стороны Берлина в вопросе установления мира между Японией и Китаем. 20 февраля 1938 г. Гитлер в Рейхстаге объявил о готовности нацистского режима признать Манчжоу-Го, на чём особо настаивало японское правительство [Che-Wei Chang, 2021: 312]. 21 февраля 1938 г. И. фон Риббентроп заявил китайскому послу в беседе, что германское высшее руководство не верит в способность Китая остановить распространение коммунизма, когда Японию, напротив, в Берлине рассматривают в качестве именно такой силы. Этим, по И. фон Риббентропу, и было обусловлено признание Манчжоу-Го. У О. Траутманна имелось иное объяснение того, почему официальный Берлин отвернулся от Китая: стремление к военно-стратегическому сближению с Японией для завоевания жизненного пространства. По мнению О. Траутманна, такой шаг Гитлера только привёл к окончательной замене китайцами немецких военных специалистов советскими, что в итоге и означало усиление позиций коммунистов в Китае. Уход Германии из Китая, как был убеждён О. Траутманн, означал для Берлина потерю способности оказывать политическое влияние в Восточной Азии. После своего отзыва в Германию и известных событий начального периода войны на Тихом океане О. Траутманн считал, что Китай за счёт своей территории способен выстоять, освободить себя самостоятельно и оказать решительное военное воздействие на Японию [Che-Wei Chang, 2021: 312].

Тяжёлым ударом для Китая стал, по мнению А. фон Фалькенхаузена, захват японцами Шанхая в сентябре 1937 г. Рядом с этим городом три месяца китайцы сдерживали японцев, что нарушило все разработанные ранее планы войны с Японией, в рамках которых основным театром военных действий были определены северные провинции страны. И здесь стоит обратить внимание на важный аспект – в 1934–1935 гг. А. фон Фалькенхаузен сам разработал план обороны Шанхая, повторив положения своего прогноза возможных наступательных действий Японии в 1936 г. [Rodriguez R.L., 2011: 210]. Соответственно, китайское командование недостаточно приняло во внимание соображения А. фон Фалькенхаузена, который сам признавал, что в 1935 г. между ним и Чан Кайши возникли трения по ряду оперативных вопросов [Rodriguez R.L., 2011: 214]. Впрочем, в начале 1935 г. А. фон Фалькенхаузен рассматривал прямое японское наступление на Нанкин

как маловероятное, поскольку японским войскам тогда надо было бы опираться на снабжение с моря [Rodriguez R.L, 2011: 243]. В этой связи укреплению обороны северных провинций уделялось А. фон Фалькенхаузену первичное внимание [Rodriguez R.L, 2011: 244]. К тому же он преувеличил оборонительный потенциал китайской армии и готовность японской стороны вести переговоры в случае первых крупных неудач [Rodriguez R.L, 2011: 250], и это имело для Китая фатальные последствия, так как А. фон Фалькенхаузен убедил Чан Кайши пойти на полномасштабный конфликт с Японией, не ограничившись локальными столкновениями в районе Пекина. Это стало альтернативой уладить конфликт на местном уровне посредством очередных мирных переговоров [Rodriguez R.L, 2011: 253]. Правда, мы не стали бы преувеличивать роль А. фон Фалькенхаузена в генезисе Японо-китайской войны, так как с конца 1936 г. на Чан Кайши оказывалось сильное давление как слева, так и справа относительно организации сопротивления японской экспансии [Rodriguez R.L, 2011: 255].

Одним из главных аргументов Чан Кайши считал две подготовленные немецкими специалистами дивизии – № 87 и 88 [Rodriguez R.L, 2011: 256]. Согласно возникшему в начале 1935 г. плану, китайские войска должны были быстрым ударом разгромить охранявший в Шанхае японскую колонию гарнизон противника [David Lu, 1961: 17]. В этой связи для прикрытия сил атаки стали создаваться мощные укрепления между Шанхаем и Нанкином, эти укрепления объединялись, по примеру линии «Мажино». Чан Кайши планировал лишить посредством укреплений японцев возможности предпринимать мобильные контратаки. В разработке этой системы обороны участвовали немецкие военные специалисты [Wei Ju-lin, 1967, Vol. 1: 63-68]. Строительство особо мощных укреплений в зоне вероятного собственного наступления напоминает немецкую методику, опиравшуюся ещё на опыт Первой мировой войны [Guo Xianggang, 2012].

Уже во время Второй мировой войны битва за Шанхай получила оценку как пример победы японской военной мысли и, соответственно, отражение слабости китайского командования, которое было во многом подготовлено немецкими военными советниками. В первые дни борьбы за Шанхай китайские войска насчитывали около 100 000 человек против 2 500 японских морских пехотинцев; японцы попали в тяжёлое положение, будучи блокированными в районе Ханькоу [McClain J.L., 2002: 446]. Однако китайцы так и не смогли сбросить десант противника в море, что позволило 23 августа 1937 г. японцам усилить свою группировку в зоне Ханькоу, а затем японский генерал Матсуи Иване предпринял фланговый обход в северном направлении к реке Янцзы, что позволило японцам перерезать коммуникации китайской группировки в Шанхае [Long J.E., 2003, Vol. XV: 27-44, 31]. Приблизительно к такому же мнению об эффективности японского командования, как факторе победы под Шанхаем, уже спустя немало лет пришёл американский военный историк Мэтью Витней [Whitney M.D., 2000].

Сама оборона Нанкина была актом, направленным больше на поддержание престижа Китая (заранее обречённая на поражение оборонительная операция китайских войск); немецкие специалисты участвовали в руководстве обороной

столицы [Rodriguez R.L., 2011: 262]. Находившийся тогда в Нанкине сотрудник фирмы «Сименс» Джон Рабе стал свидетелем резни, устроенной японскими военными в городе. Весной 1938 г. он попытался опубликовать свои записки на эту тему, но был арестован гестапо, правда, затем отпущен [Rodriguez R.L., 2011: 263].

Эвакуированный в Ухань, А. фон Фалькенхаузен на основе докладов других немецких военных специалистов пришёл в декабре 1937 г. к выводу, что китайские и японские войска вымотаны и обескровлены сражениями за Шанхай и Нанкин. Однако А. фон Фалькенхаузен и другие германские советники поддерживали идею перехода китайской армии к партизанской войне, для чего весной 1938 г. шла активная перегруппировка китайских сил [Rodriguez R.L., 2011: 264]. Правда, А. фон Фалькенхаузен считал, что для партизанской войны больше подходят коммунисты, когда националистические части должны были продолжать боевые действия классическими методами. Несмотря на потерю Шанхая и Нанкина, А. фон Фалькенхаузен полагал, что война Китаем ещё не проиграна [Rodriguez R.L., 2011: 265].

Прогнозы А. фон Фалькенхаузена, что война будет для Японии затяжной и тяжёлой, вскоре оправдались. В марте–апреле 1938 г. китайским военным удалось одержать крупную победу, которая вошла в китайскую историографию как битва под Тайэрчжуаном. В районе этого города китайцам удалось окружить и почти полностью уничтожить 10-ю японскую пехотную дивизию. Значительный вклад в проведение данной операции внесли немецкие советники, согласно отчёту которых китайцы одержали первую крупную победу над технически превосходящим их противником. В самом Тайэрчжуане японцы потеряли около 16 тыс. солдат и офицеров. Но именно эта битва вынудила нацистскую Германию отозвать своих советников, на чём активно настаивала японская дипломатия, считая неудачу японских войск в этом районе прямым следствием работы немецких офицеров [Rodriguez R.L., 2011: 266–268].

Современная китайская и западная историография оценивают последствия усилий Чан Кайши и его генералов в начале Японо-китайской войны скромнее, нежели А. фон Фалькенхаузен. Как считает Винсент Чанг, победа над японцами под Вуханом в октябре 1938 г. была достигнута за счёт того, что китайское правительство приказало разрушить дамбы на реке Хуанхэ, остановив тем самым стремительное наступление японской армии, и это стало поворотной вехой в войне [Chang V.K.L., 2022]. Таким образом, по В. Чангу, на стороне китайских войск оказалась природа, не таланты немецких специалистов и китайских генералов, а также несколько лет подготовки Китая к войне. Другой китайский историк Чхи Хи Шенг (*Ch'iHsi-Sheng*) писал по поводу приказа Чан Кайши разрушить дамбы, что эффект от этих действий в аспекте сдерживания наступления противника был сомнительным, японцы всё-таки взяли Вухан, но с некоторым опозданием, однако затопление обширных территорий привело к гибели китайских гражданских лиц. По мнению Чхи Хи Шенга, после взятия Вухана китайские вооружённые силы оказались очень слабы, и Китай спасли проблемы японских войск с логистикой [Ch'iHsi-Sheng, 1982: 50–55]. То есть, по Чхи Хи Шенгу, на стороне китайцев оказались внушительные пространства их страны, или география.

Мнение В. Чанга во многом подтверждается сведениями посольства США в Китае. В частности, интересно описаны в этих документах вооружённые столкновения 38-й дивизии армии Китая с японскими частями в районе Таныцзина 25 июля 1937 г. Японцам удалось победить целую китайскую дивизию в течение нескольких часов малыми силами при помощи пяти бомбардировщиков [2, д. 267], китайские сухопутные войска не были в данном случае прикрыты своими истребителями. В то же время у американцев была убеждённость, что китайское и японское правительства договорятся о прекращении боевых действий [2, д. 269].

Американские дипломаты ошиблись – вооружённая борьба за район вокруг Таныцзина продолжалась. 6 августа 1937 г. министр финансов Китая запросил помощь у США [2]. Из телеграммы посла США в Китае Джонсона давление на Нанкин со стороны японской авиации усилилась в середине августа 1937 г., при этом китайские ВВС действовали неэффективно [2, д. 465]. При этом Госдепартамент однозначно не верил тому, что китайские войска в состоянии победить японцев, в связи с чем Вашингтон настаивал на переговорах правительства Гоминьдана с официальным Токио [2, д. 537].

ЯПОНСКАЯ ПОЛИТИКА ПОДЧИНЕНИЯ КИТАЯ

По словам немецких военных представителей, японцы делали ставку на антикоммунистическую пропаганду, утверждая, что пришли в Китай спасать его от коммунизма. Однако по мере продвижения японцев популярность коммунистических идей в китайском обществе стала расти, тогда как до войны они были распространены, в основном, в армии [1: д. 197, оп. 12451, л. 9–10].

Согласно отчётам военного атташе Германии в Японии (данные получены немцами в первой половине лета 1938 г.) в Шанхае и других оккупированных зонах японцы устанавливали смешанную с местным населением администрацию на промышленных предприятиях. Однако китайские управленцы придерживались тактики пассивного сопротивления, опасаясь мести затем от режима Гоминьдана. Судя по этим сведениям, китайская интеллигенция в большинстве своём не верила в победу Японии над Китаем. Несмотря на это, японцы допускали участие китайского капитала в предприятиях, расположенных на оккупированных территориях [Илиевский Н.В., 2020]. Но, как показала практика восстановления шелкопрядных фабрик, японские власти стремились устранить конкуренцию в этой отрасли для своих национальных предприятий на китайской территории. К октябрю 1939 г. японским властям удалось построить на оккупированных китайских территориях восемь новых текстильных фабрик мощностью 80 тыс. веретён. Для восстановления экономики на оккупированных территориях Министерство финансов Японии организовало заём для Китая, который попал на оккупированные территории в распоряжение представительства Банка Японии и самого указанного японского министерства, размер кредита составил 300 млн иен [1: д. 232, оп. 12451, л. 23; д. 258, оп. 12451, л. 16].

В начале августа 1938 г. военный атташе Германии в Японии сообщал в Берлин, что, несмотря на развитие вооружённого конфликта с Китаем, японцы не

сняли из Маньчжурии свои части и продолжали строить укрепления на советской границе. С конца 1937 г. японцы ускоренными темпами создавали оборонительные рубежи в Маньчжурии. Иностранным гражданам был ограничен проезд в приграничные с Советским Союзом районы [1: д. 232, оп. 12451, л. 38]. Немецкие представители наблюдали в Харбине явные военные приготовления: стягивались войска, ограничивалось получение информации о ситуации в приграничных с Советским Союзом районах для дипломатических представительств других государств, на строительство казарм в Маньчжурии стогнялись десятки тысяч китайцев. Японцы также осуществляли насильственные переселения китайцев и представителей других национальностей из приграничных зон. Но в то же время японцы угоняли к границе китайцев из Харбина, чтобы те работали на строительстве военных объектов. Для этого японская военизированная полиция устроила облавы на китайцев в Харбине, были схвачены и отправлены на границу тысячи китайцев, которых японские власти открыто объявили людьми низшей культуры. Японское правительство не скрывало, что готовится к войне с Советским Союзом, но войне, разумеется, оборонительной, как было официально заявлено [1: д. 232, оп. 12451, л. 38, 40–41].

В первом полугодии 1938 г. немецкими наблюдателями отмечался рост партизанского движения в Маньчжурии. Японцы отвечали на участвовавшее обстрелы китайцев репрессивными мерами особого характера: китайцы, не имевшие при себе специальных паспортов и нарукавных повязок, расстреливались на месте, расстрелу также подвергались лица, везущие что-либо из леса (в частности, даже грибы); доступ к лесу, таким образом, закрывался для китайцев. Немцы, опираясь на данные своих агентов, предполагали, что Япония готовит наступательную войну против СССР, планируя в первую очередь перерезать Транссиб где-то под Благовещенском, для чего, по оценке немецкой стороны, у японцев вполне хватало сил летом 1938 г. [1: д. 232, оп. 12451, л. 42–43].

В августе 1938 г. военный атташе Германии в Токио отмечал рост партизанского движения вокруг Пекина, где китайские войска получали активную поддержку со стороны местного населения. Китайские регулярные войска стали теснить японцев юго-восточнее Нанкина. Партизанская война в Северо-Восточном Китае стала отвлекать от фронта крупные силы японской армии летом 1938 г. Как раз в конце лета 1938 г. японцы развернули наступление на Ханькоу, с успешным завершением которого они связывали окончание войны в связи со смягчением позиции Англии по китайскому вопросу [1: д. 232, оп. 12451, л. 179]. Таким образом, японские политики не рассматривали уже к тому времени режим Гоминьдана в качестве самостоятельной силы, они видели центр решений по Китаю в Лондоне, а не в Чунцине (временная столица Китая). Отмечены попытки японских военных наладить нормальные отношения с китайскими крестьянами на оккупированных территориях, что было связано, скорее всего, с ожиданиями японских военных насчёт заключения мира в обозримый период времени. В связи с наступлением на Ханькоу отмечен резкий рост помощи Китаю со стороны Советского Союза в форме поставок военных самолётов. Правда, японская разведка оценивала советские усилия по восстановлению китайских ВВС как бесперспективные, так как у

китайцев элементарно не было социальной базы для формирования лётных кадров. Например, отмечены в значительной степени неудачными попытки формирования экипажей боевых самолётов из состава бывших водителей грузовиков. В этой связи Москва вынуждена была начать отправку пилотов и механиков в Китай*. Боевые качества советских пилотов японцами были недооценены [1: д. 232, оп. 12451, л. 175, 177, 185, 220, 221], что вытекало из общего отношения японских военных к Красной армии в то время.

Ближе к декабрю 1938 г. японцы стали активно восстанавливать экономику оккупированных провинций, китайцы начали возвращаться в Нанкин, Шанхай и другие города, подвергшиеся разрушению в ходе боевых действий. Немецкие наблюдатели отмечали равнодушие китайского крестьянства к судьбе режима Гоминьдана, который поддерживали в первую очередь круги буржуазии, ушедшие на запад страны в ходе японского наступления. Для облегчения управления оккупированными территориями Китая японское правительство под нажимом министра финансов создало к концу 1938 г. Китайский комитет, который должен был забрать у военных часть функций по управлению захваченными китайскими землями [1: д. 232, оп. 12451, л. 788. д. 232, оп. 12451, л. 788].

В одном из документов показана причина (точнее – одна из причин) оттока масс китайского населения из городов – бомбардировки. Немецкие наблюдатели признали, несмотря на свои явные после июля 1937 г. симпатии к японцам, варварские действия японской авиации, которая наносила удары по колоннам безоружных беженцев и жилым кварталам, не имевшим военного значения. Налёты наносили такие большие потери мирному китайскому населению, что режим Чан Кайши вынужден был провести эвакуацию Нанкина, в котором в результате этого мероприятия остались 150–200 тыс. жителей, тогда как довоенное население китайской столицы составляло около 1 млн человек. Потоки китайских беженцев определены немецкими военными как многомиллионные [1: д. 231, оп. 12451, л. 123].

После битвы за Ханькоу, когда окончательно обозначилось превосходство японских сухопутных сил, японские власти занялись обустройством оккупированных территорий. В частности, в Пекине был сформирован корпус из 1 500 китайских полицейских для борьбы с коммунистами и партизанами. Подобного рода контингенты из китайцев японские власти формировали и в других городах страны. Одновременно японские власти открыли пропагандистскую кампанию, распространяя среди китайцев листовки, где говорилось, что война ведётся не с китайским народом, который не виноват в развязывании

* Советские пилоты и другие военные специалисты появились в Китае ещё осенью 1937 г., но их было тогда немного, и процесс их активного включения в боевые действия требовал относительно много времени, учитывая ещё и специфику китайского ТВД, поэтому в немецких документах советские военные советники и пилоты не упоминаются в первом полугодии Японо-китайской войны. Разумеется, Кремль в конце 1937 г. стремился не афишировать информацию о присутствии своих военных представителей в Китае, это было обусловлено весомыми политическими причинами.

войны, а с режимом Гоминьдана. В ключе данной политики японские власти привлекли к сотрудничеству своих буддистов [Scott D. Sagan, 1989]. Союз японских буддистов в конце 1930-х годов специально подготовил 1 000 священнослужителей для Китая, чтобы склонить китайское население к сотрудничеству с оккупационными властями и создать китайско-японское духовно-культурное единство [1: д. 232, оп. 12451, л. 484–485].

К 1940 г. стратегия японского правительства по отношению к Китаю меняется. Прямая оккупация постепенно сменяется управлением страны через марионеточный режим, распространённый на северные провинции. Правда, там была создана видимость восстановления китайского суверенитета. Несмотря на то, что японское правительство в конце 1930-х годов сильно сомневалось в целесообразности создания в Северном Китае своей армии, сформированной из граждан Китая, в Пекине в то время уже функционировала военная школа, подчинённая Временному китайскому правительству (Военная школа Тунгчоу) [Сафронов В.П., 2001]. В школе проходили подготовку 330 слушателей, в программу обучения которых входило обязательное посещение Японии [1: д. 240, оп. 12451, л. 553].

В Нанкине был создан Корпус поддержания мира, состоявший из китайцев и насчитывавший приблизительно 26 тыс. человек. Этот корпус формировался, в основном, из китайских перебежчиков, то есть предателей. Для обеспечения корпуса младшими офицерами в ноябре 1938 г. в Нанкине была организована специальная школа, в которой обучались 320 китайских молодых людей, инструкторами у них были как японцы, так и китайцы, но обучение велось исключительно на японском языке. Корпус предназначался для выполнения полицейских функций [Herbert F., 1950]. С этой же целью в Тяньцзине японцы создали в конце 1930-х годов полк русских белогвардейцев-добровольцев, которым командовали японские офицеры. В начале 1940 г. Корпус поддержания мира был подчинён пекинскому марионеточному правительству, в его составе находились к тому моменту около 20 тыс. бывших солдат китайской армии, 5 тыс. жандармов, 55 тыс. полицейских, 350 курсантов военной школы. В состав полицейских сил корпуса включались также бывшие партизаны [1: д. 240, оп. 12451, л. 162, 414, 497, 498].

Японские военные власти явно стремились разделить Китай. На острове Хайнань они организовали 16 июля 1939 г. местное китайское правительство, не подчинённое так называвшемуся Центральному временному правительству во главе с Ван Цзинвэем (*Wang Ching-wei*). Аналогичное локальное правительство было сформировано в Кантоне (европейское название города Гуанчжоу до 1921 г.) [Сеченов И.В., 2019]. Но в то же время все оккупированные Японией территории, включая Внутреннюю Монголию и Маньчжурию, были объединены в экономический район, чтобы облегчить реализацию Трёхлетнего плана развития занятых японскими войсками китайских земель [Wohlstetter R., 1962]. И это было официальной политикой японских оккупантов. Генерал Хата Сюнроку (*Hata Shunroku*) в одной из своих бесед в конце марта 1938 г. дал понять, что японские военные выступают за создание локальных китайских правительств, но сомневаются в возможности образования общекитайского правительства, принимая во внимание жёсткую позицию значительной части китайского насе-

ления в центральных провинциях страны, кроме Шанхая. Правда, генерал Хата считал целесообразным создать в будущем центральное китайское правительство, но конкретно в первом полугодии 1938 г. японцы столкнулись с нежеланием большей части китайской элиты идти на компромисс с Токио [1: д. 240, оп. 12451, л. 88, 505, 559; д. 215, оп. 12451, л. 20–22].

Центральное временное правительство (Центральный комитет, так оно точно называлось) было разделено на Пекинское и Нанкинское. Но экономикой оккупированных китайских территорий должен был управлять особый китайский комитет, подчинённый непосредственно японскому правительству и состоявший преимущественно из японцев [McClain J.L., 2002].

Полноценное центральное правительство Китая планировалось создать в будущем, надо понимать, после разгрома Гоминьдана. Главным препятствием на пути создания единого прояпонского китайского правительства, по мнению японской стороны, была активность подпольщиков, которых японские власти называли террористами, – они ликвидировали китайцев-коллаборационистов в Шанхае. Судя по этому факту, центром китайского коллаборационизма выступал Шанхай [1: д. 240, оп. 12451, л. 89, 503].

По данным Госдепартамента США, японские военные власти уже в декабре 1937 г. заявляли об организации Временного китайского правительства, в состав которого уже тогда вошли бывшие лояльные до этого Гоминьдану мэр Пекина и директор Пекинско-Мукденской железной дороги [2, д.950]. Это правительство должно было приступить к работе с 1 января 1938 г. на всех оккупированных японцами территориях Китая. До 1939 г. Вашингтон относительно спокойно относился к военной агрессии Японии в Китае. Но многое стало меняться в дальневосточном векторе политики Госдепартамента после высадки японских войск на острове Хайнань в начале февраля 1939 г., так как возникла прямая угроза интересам США в Тихоокеанском регионе [3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китай до 7 декабря 1941 г. был, несомненно, главным актором в сопротивлении японскому милитаризму в Восточной Азии, в пользу чего говорит и сам характер войны. Японская армия не добилась блицкрига, как это сделал вермахт в Европе, несмотря на то, что японские силы значительно превосходили китайцев технически. Во многом это стало возможным в результате «запирания» японских войск в Шанхае на несколько недель и благодаря заранее созданным укреплениям и отработанной схеме действий китайских соединений. В этой связи напрашивается аналогия с Польской кампанией 1939 г., когда польская армия не сосредоточила в полосах своих укреплений достаточно войск, не создав предварительно на особо важных направлениях достаточно мощных препятствий для мобильных частей противника. Другим важным отличием европейского ТДВ от азиатского в конце 1930-х годов было то, что китайская сторона готова была активно сотрудничать по военно-экономическим вопросам с Советским Союзом, в то время как в случае с Польшей и западными демократиями такого сотрудни-

чества до нападения нацистской Германии на СССР не получилось. Напротив, из-за «зимней войны» отношения между СССР и англо-американским альянсом серьёзно осложнились. Таким образом, на Востоке возник общий фронт борьбы с фашизмом, а в Европе он образуется только после 22 июня 1941 г. Во многом причиной такого положения дел стал Мюнхенский договор, или, как его называют в России, Мюнхенский сговор [Burtneess P., Warren O., 2017].

США в начале Японо-китайской войны предпочитали придерживаться стратегии посредника между противоборствовавшими сторонами, причём их попытки посредничества, судя по всему, оказались крайне неудачными.

Третьим важным отличием китайского ТВД в 1937–1939 гг. от европейского в 1939–1941 гг. стало то, что Китай вовремя принял меры против агрессора. Когда японские экономика и вооружённые силы были ещё недостаточно подготовлены к затяжной войне, Япония не получила в должном количестве ни новых самолётов, ни бронетехники. Правда, сам Китай был хуже подготовлен к войне, нежели его противник. Однако при возникновении конфликтной ситуации, например, в начале вооружённого столкновения Японии с Китаем в конце 1939 г., Япония имела бы больше шансов на успех, обладая лучше модернизированными вооружёнными силами. В этой связи А. фон Фалькенхаузен был прав в том, что Япония оказалась в 1937 г. недостаточно подготовленной к затяжной войне. Во многом усилия Японии на китайском фронте сократили её возможности к ведению войны с Советским Союзом, что и показали события на Халхин-Голе [McSherry J., 1968].

ИСТОЧНИКИ

1. ЦА МО РФ, ф. 500, д. 197, 215, 231, 232, 240, 258, оп. 12451.
2. Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1937, the Far East, Volume III. Available at: // <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1937v03/>
3. Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1939, the Far East, Volume III. Available at: // <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1939v03/d98>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базаров Б.В., Курас Л.В., Цыбенков Б.Д. Монголия и Вторая мировая война: современная монгольская историография. *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. 2017. №3 (27).

Бобкова М.С. Понятие «историописание» в трудах М.А. Барга и современная история исторического знания. *Люди и тексты. Исторический альманах*. 2015. №7.

Болд Р. Международный военный трибунал для Дальнего Востока. «Японская операция на Халхин-Голе была агрессивной войной». *Историко-экономические исследования*. 2019. Т. 20. №1.

Бутанаев Э.В. Советско-монгольские отношения от Халхин-Гола до Ялтинской конференции. *Власть*. 2017. №6.

Го Сянган. Китай и СССР спасли человеческую цивилизацию, сражаясь плечом к плечу во Второй мировой войне. *Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. Сборник материалов научной конференции*. М., Феде-

ральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук. 2012.

Григорьев О.В. Вопросы искажения истории Второй мировой войны: роль Китая в победе над милитаристской Японией. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Т. 10. № 6-1. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-6/1-13-16

Зимонин В.П. Япония в развязывании Второй мировой войны. *Наука. Общество. Оборона*. 2018. №2 (15). Available at: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshchestvo-oborona/2018-2-15/article-0148/> (accessed 11.02.2021 г.).

Зимонин В.П. Японо-германский прожект «Блок четырех против демократии» и советская дипломатия. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2014. № 23 (709).

Илиевский Н.В. «Ab ovo» или когда же началась Вторая мировая война? *Наука. Общество. Оборона*. 2020. №8 (4).

Катасонова Е.Л. Военнопленные Халхин-Гола. *Японские исследования*. 2018. №1.

Курас Л.В., Цыбенков Б.Д. Новые данные о разведывательной деятельности Японии и СССР в Монголии и Хулунбуире в годы Второй мировой войны. *Власть*. 2016. Т. 24. №11.

Ли Тяньцзы. К вопросу о значении антияпонского сопротивления китайского народа в мировой войне против фашизма. *Роль СССР и Китая в достижении Победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне: тез. докл. Российско-китайской науч. конф. Москва, 5–6 мая 2015 г. М., Изд-во ИДВ РАН*. 2015.

Лян Юньсян. Оценка роли и места Китая во Второй мировой войне // *Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом во Второй мировой войне. Тезисы докладов российско-китайской научной конференции. М., ИДВ РАН*. 2015.

Мильбах В.С., Назаренко И.С. Поставки советской авиационной техники Китайской Республике по «северному» маршруту как часть плана военнотехнического сотрудничества в 1937–1938 гг. *Известия Лаборатории древних технологий*. 2019. Т. 15. № 3. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-209-220

Рябченко Н.П. Советско-китайское сотрудничество в антияпонской войне: этапы и проблемы. *Гуманитарные проблемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР)*. 2015. №3 (89).

Сафронов В.П. СССР, США и военная агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане, 1931–1945 гг. М.: Институт российской истории РАН, 2001.

Сеченов И.В. Неизвестный Халхин-Гол: подвиг артиллеристов. *Историко-экономические исследования*. Т. 20. №1. С. 66–79. DOI: 10.17150/2308-2588.2019.20(1)

Смирнов С.В., Буяков А.М. Михаил Натаров – русский «герой» Халхин-Гола. *Историко-экономические исследования*. 2019. Т. 20. №1. С. 54–65. DOI: 10.17150/2308-2588.2019.20(1)

Ху Цзиньтао. Выступление председателя КНР на встрече с российскими ветеранами 9 мая 2010 г. (полный текст): официальный сайт Генерального консульства КНР в Хабаровске. Available at: <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/xwdt/t693510.htm> (accessed 29.04.2022).

REFERENCES

Bazarov B.V., Kuras L.V., Tsybenov B.D. Mongoliya i Vtoraya mirovaya vojna: sovremennaya mongol'skaya istoriografiya [Mongolia and the Second World War: Modern Mongolian Historiography] (in Russ.). *Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS*. 2017. No.3 (27)

Bobkova M.S. Ponyatie "istoriopisanie" v trudax M.A. Barga i sovremennaya istoriya istoricheskogo znaniya [The concept of "historiography" in the works of M.A. Barga and the modern history of historical knowledge] (in Russ.). *People and Texts. Historical almanac*. 2015. No.7

Bold R. Mezhdunarodny`j voenny`j tribunal dlya Dal'nego Vostoka. "Yaponskaya operaciya na Xalxin-Gole by`laagressivnoj vojnoj" [International Military Tribunal for the Far East. "The Japanese operation on Khalkhin-Gol was an aggressive war"] (in Russ.). *Historical and economic studies*. 2019. Vol. 20. No.1

Bruce M. Russett. No Clear and Present Danger: A Skeptical View of U.S. Entry into World War II. New York: Harper and Row. 1972.

Burtness P., Warren O. Provocation and Angst: FDR, Japan, Pearl Harbor, and the Entry into War in the Pacific. *Hawaiian Journal of History*. 2017. Vol 51. No.11.

Butanaev E.V. Sovetsko-mongol'skie otnosheniya ot Xalxin-Gola do Yaltinskoj konferencii [Soviet-Mongolian relations from Khalkhin-Gol to the Yalta Conference] (in Russ.). *Power*. 2017. No. 6

Chang V.K.L. China's new historical statecraft: reviving the Second World War for national rejuvenation. *International Affairs*. 2022. doi.org/10.1093/ia/iia021 Available at: <https://academic.oup.com/ia/advance-article/doi/10.1093/ia/iia021/6549854> (accessed: 29.04.2022).

Ch'iHsi-Sheng. Nationalist China at War: Military Defeats and Political Collapse, 1937-45. Michigan, Ann Arbor: University of Michigan Press, 1982.

Coox A. Nomonhan: Japan Against Russia, 1939. Stanford: Stanford University Press. 1985. Vol. 1.

Gareev M.A. Ob ob`ektivnom osveshhenii voennoj istorii Rossii: doklad, pročitanny`j 15 iyunya 2006 g. na zasedanii rabochej gruppy` Rossijskogo Orgkomiteta "Pobeda" [On objective coverage of the military history of Russia: a report read on June 15, 2006 at a meeting of the working group of the Russian Organizing Committee "Victory"] (in Russ.). *New and modern History*. 2006. No. 5

Grigoriev O.V. Voprosy` iskazheniya istorii Vtoroj Mirovoj Vojny`: rol` Kitaya v pobede nad militaristskoj Yaponiej [Issues of distortion of the history of the Second World War: the role of China in the victory over militaristic Japan] (in Russ.). *Historical and socio-educational thought*. 2018. Vol. 10. No.6-1. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-6/1-13-16

Guo Xianggang. Kitaj i SSSR spasli chelovecheskuyu civilizaciju, srazhayas` plechom k plechu vo Vtoroj mirovoj vojne [China and the USSR saved human civilization by fighting shoulder to shoulder in World War II] (in Russ.). The role of the USSR and China in achieving victory in World War II. Collection of materials of the scientific conference. Moscow: IDV RAN, 2012

Ilievsky N.V. "Ab ovo" ili kogda zhe nachalas` Vtoraya mirovaya vojna? ["Ab ovo" or when did the Second World War begin?] (in Russ.). *Science. Society. Defense*. 2020. No.8 (4). DOI: 10.24411/2311-1763-2020-10263

Herbert F. The Road to Pearl Harbor. The Coming of the War between the United States and Japan. Princeton: Princeton University Press. 1950.

Herzog J.H. Influence of the United States Navy in the Embargo of Oil to Japan, 1940–1941. *Pacific Historical Review*. 1966. Vol. 35. Aug. No. 3.

Hu Jintao. Speech by the President of the People's Republic of China at a meeting with Russian veterans on May 9, 2010 (full text): official website of the Consulate General of the People's Republic of China in Khabarovsk. Available at: <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/xwdt/t693510.htm> (accessed: 04.29.2022).

Katasonova E.L. Voennoplenny`e Xalxin-Gola [Prisoners of war Khalkhin-Gol] (in Russ.). *Japanese studies*. 2018. No.1

Kuras L.V., Tsybenov B.D. Novy`edanny`e o razvedy`vatel`noj deyatel`nosti Yaponii i SSSR v Mongolii i Xulunbuire v gody` Vtoroj mirovoj vojny` [New data on the intelligence activities of Japan and the USSR in Mongolia and Hulunbuir during the Second World War] (in Russ.). *Power*. 2016. Vol. 24. No.11

Li Tianzi. Ocenka roli i mesta Kitaya vo Vtoroj mirovoj vojne. Rol` SSSR i Kitaya v dostizhenii pobedy` nad fashizmom vo Vtoroj mirovoj vojne [On the question of the significance of the anti-Japanese resistance of the Chinese people in the World War against fascism] (in Russ.). The role of the USSR and China in achieving Victory over fascism and Japanese militarism in World War II: tez. dokl. Russian-Chinese Scientific Conf. Moscow, May 5–6, 2015. Moscow: IDV RAN. 2015.

Liang Yunxiang. Ocenka roli i mesta Kitaya vo Vtoroj mirovoj vojne [Assessment of the role and place of China in World War II] (in Russ.). The role of the USSR and China in achieving victory over fascism in World War II Abstracts of reports of the Russian-Chinese scientific conference. Moscow: IDV RAN. 2015

Long J. E. The Japanese Literati and the "China Incident": Hayashi Fusao Reporting the Battle of Shanghai in the Sino-Japanese Studies. Vol. XV. 2003.

McClain J.L. Japan: A Modern History. New York: W.W. Norton & Company, 2002.

McSherry J. Stalin, Hitler and Europe. The Origins of World War II 1939–1945. Vol. 1. USA, Cleveland (Ohio): World Pub'g. Co. 1968.

Milbach V.S., Nazarenko I.S. Postavki sovetskoj aviacionnoj texniki Kitajskoj Respublike po "severnomu" marshrutu kak chast` plana voenno-texnicheskogo sotrudnichestva v 1937-1938 gg. [Deliveries of Soviet aviation equipment to the Republic of China along the "northern" route as part of the plan of military-technical co-operation in 1937-1938] (In Russ.). *Izvestiya Laboratory of Ancient Technologies*. 2019. Vol. 15. No.3. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-209-220

Rodriguez R.L. Journey to the East: The German Military Mission in China, 1927–1938: Dissertation presented in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Doctor of Philosophy in the Graduate School of the Ohio State University. The Ohio State University. 2011.

Russian-Chinese relations in the XX century. Vol. IV. Soviet-Chinese relations. 1937-1945. Book 1: 1937-1944. / Ed. by S.L. Tikhvinsky. M.: Monuments of historical thought. 2000.

Ryabchenko N.P. Sovetsko-kitajskoe sotrudnichestvo v antiyaponskoj vojne: e`tapy` i problemy` [Soviet-Chinese cooperation in the anti-Japanese war: stages and problems] (In Russ.). Humanitarian problems of the countries of the Asia-Pacific region (APR). 2015. No.3 (89).

Safronov V.P. SSSR, SShA i voennaya agressiya na Dal`nem Vostoke i Tixom okeane, 1931-1945 gg. [USSR, USA and military aggression in the Far East and the Pacific Ocean, 1931-1945] (in Russ.). Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 2001

Sechenov I.V. Neizvestny`j Xalxin-Gol: podvig artilleristov [Unknown Khalkhin-Gol: feat of gunners]. *Historical and economic research*. Vol. 20. No.1. P. 66-79. DOI: 10.17150/2308-2588.2019.20(1) (in Russ.).

Smirnov S.V., Buyakov A.M. Mixail Natarov – russkij “geroj” Xalxin-Gola [Mikhail Natarov - the Russian "hero" of Khalkhin-Gol] (in Russ.). *Historical and economic research*. 2019. Vol. 20. No.1. P. 54-65. DOI: 10.17150/2308-2588.2019.20(1).

Scott D. Sagan. The Origins of the Pacific Wars, in Robert I. Rotberg and Theodore K. Rabb, eds. The Origin and Prevention of Major Wars. New York: Cambridge University Press. 1989.

Whitney M.D. A military analysis of the Battle of Shanghai 13 August – 8 November 1937. A Thesis Presented to the Faculty of the Graduate School of Cornell University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts. 2000.

Wohlstetter R. Pearl Harbor: Warning and Decision. Stanford, USA: Stanford University Press. 1962.

Zimonin V.P. Yaponiya v razvyazy`vanii Vtoroj mirovoj vojny` [Japan in the outbreak of the Second World War] (in Russ.). *Nauka. Society. Defense*. 2018. No.2 (15). Available at: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2018-2-15/article-0148> (accessed 11.02.2021).

Zimonin V.P. Yaponogermanskij prozhekt “Blok chety`rex protiv demokratii” i sovetskaya diplomatiya [The Japanese-German project "The Block of Four against Democracy" and Soviet diplomacy] (in Russ.). *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*. 2014. No.23 (709).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЕРМАКОВ Дмитрий Николаевич, доктор экономических наук, доктор политических наук, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник центра мировой политики и стратегического анализа Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).
Российская Федерация, 117997, Москва,

Dmitry N. ERMAKOV, Doctor of Sciences (Economics), Doctor of Political Sciences, Candidate of Sciences (History), Chief Researcher at the Center for World Politics and Strategic Analysis of the Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences (IKSA RAS).
32, Nakhimovsky prospect, Moscow,

Нахимовский проспект, д. 32;
профессор кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Российская Федерация, 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27.

ПОПОВ Григорий Германович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра изучения военной экономики Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС при Президенте РФ.

Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82;

старший научный сотрудник Управления по научно-исследовательской деятельности «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)».

Российская Федерация, 109004, Москва, Земляной Вал, д. 73.

КАЗЕНКОВ Олег Юрьевич, специалист отдела научной экспертизы и проектной работы Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 32;

советник ректора ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова».

Российская Федерация, 150003, Ярославль, ул. Советская, д. 14.

117997, Russian Federation;

Professor of the Department of the History of Social Movements and Political Parties, Faculty of History, Moscow State University named after M.V. Lomonosov.
27, Lomonosovsky prospect, Moscow, 119192, Russian Federation.

Grigory G. POPOV, Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Center for the Study of the Military Economy of the School of Contemporary Humanitarian Studies, RANEPa under the President of the Russian Federation.

82, Vernadsky prospect, Moscow, 119571, Russian Federation;

Senior Researcher, Department for Research Activities, Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University).

73, Zemlyanoy Val, Moscow, 109004, Russian Federation.

Oleg Yu. KAZENKOV, Specialist of the Department of Scientific Expertise and Design Work of the Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences (IKSA RAS).

32, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117997, Russian Federation;

Advisor to the Rector of FGBOU VO "Yaroslavl State University named after P.G. Demidov".

14, Soviet St., Yaroslavl, 150003, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 05.10.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 17.10.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 19.10.2022.